

Огненная арена / отрывок из романа

Category: Kitapcy, Romanlar

написано kitapcy | 22 января, 2025

Огненная арена / отрывок из романа ОГНЕННАЯ АРЕНА / Историко-революционный роман

• 06 авторе

Не так давно в Туркменском государственном университете им. А.М.Горького студенты устроили литературный диспут. С неделю велись взволнованные споры о писательском мастерстве. И вот, в конце диспута я предложил моим молодым друзьям-филологам назвать десять лучших повестей и романов писателей Туркмении. Студенты охотно откликнулись на мое предложение: в эту десятку попали сразу три романа Валентина Рыбина: «Море согласия», «Государи и кочевники» и «Дым берегов».

Сейчас, взявшись за перо, чтобы вкратце рассказать о творчестве автора «Огненной арены», я невольно вспомнил об этом студенческом диспуте и о том, какой популярностью пользуются у читателей книги, созданные этим писателем.

Более двадцати лет назад в московском журнале «Смена» вышла первая подборка стихотворений В. Рыбина «Огни в пустыне». Потом последовали сборники стихов «Добрый вестник», «Синие горы», «Каджарская легенда», переводы поэм Берды Кербабаева «Девичий мир» и «Жертва адата», Амандурды Аламышева «Сона». Чары Аширова «Кадыр».

Выступая на поэтическом поприще, В.Рыбин одновременно работал и в прозе. В издательстве «Туркменистан» в середине шестидесятых годов вышел сборник его рассказов. По одному из рассказов В. Рыбина «Сын бакенщика» был снят художественный фильм «Приключение Доврана».

Но известность принесли ему исторические романы «Море согласия», «Государи и кочевники», «Дым берегов». За дилогию «Море согласия» В. Рыбин получил Государственную премию

Туркменской ССР им. Махтумкули. Целый ряд литературно-художественных журналов – «Знамя», «Дружба народов». «Молодая гвардия», «Литературное обозрение» отметили положительными рецензиями выход в свет исторических романов В.Рыбина. В статье, опубликованной в журнале «Знамя», отмечалось: «Роман В.Рыбина многопланов; в нем ощущается масштабность, исследовательская смелость, социально-исторический анализ – все это в традиции советской исторической беллетристики, начиная с Юрия Тынянова. Эпоха, когда происходит действие романа, хорошо изучена последующими исследователями, раздвинувшими географические границы темы. Айбек, Ауэзов, Бородин и многие иные рассказали о жизни таджиков, узбеков, казахов, других народов примерно в этот период. Но тема, к которой пришел В.Рыбин – становление русско-туркменских отношений, – в литературе пока не была отражена». В другой рецензии, напечатанной в «Дружбе народов», отмечено: «Ценно то, что В. Рыбин, сам уроженец Средней Азии, знает Восток отнюдь не «со стороны». Туркмения для него – земля родная, близкая. И потому он умеет раскрыть то, что Белинский называл «тайной национальности». Туркмены-иомуды, персы и хивинцы, казахи и горцы Кавказа, населяющие романы Рыбина, выписаны во всем своеобразии характеров, с чутким вниманием к национальной самобытности...» К вышесказанному можно лишь добавить, что именно новизна и глубокое проникновение в суть исторических событий, явлений, в психологию героев и целого общества сделали романы В.Рыбина близкими и любимыми многочисленным читателям.

Помнится, с каким пристальным вниманием следил за набирающим силу талантом молодого писателя Валентина Рыбина аксакал туркменской советской литературы Берды Мурадович Кербабоев. И не только присматривался, но и всецело доверял ему. В годы, когда я работал над составлением шеститомного издания избранных сочинений Б. Кербабоева, он как-то сказал мне: «Я думаю, надо попросить Рыбина: он может успешно справиться с переводом моих поэм «Девичий мир» и «Жертва адата». Признаться, я тогда усомнился в правильности выбора переводчика. Ведь у Берды Мурадовича всегда были именитые,

широко известные поэты-переводчики. Я напомнил ему о них. Но он лишь улыбнулся и попросил меня переговорить с В. Рыбиным. Через несколько лет перевод обеих поэм увидел свет. Рыбин блестяще справился с переводом. Берды Мурадович потом не раз говорил мне, что не ошибся в своем выборе. И он же один из первых по достоинству оценил вышедшую в свет историческую дилогию В. Рыбина «Море согласия».

В романах «Море согласия», «Государи и кочевники» и «Дым берегов» он воссоздал целую эпоху зарождения и становления русско-туркменских связей и дружбы. По сути, показан весь XIX век с его экспедициями в Среднюю Азию и Туркмению, с его купеческой торговлей на Каспии, с многочисленными прошениями туркмен о добровольном вхождении в состав России, с мирными визитами в Петербург. Наконец, в романе «Дым берегов» описан поход Скобелева и участие русских прогрессивных людей в судьбах туркменских племен. Автор, нисколько не сглаживая тяжелые последствия колониального режима белого царя, нисколько не облегчая трудную долю, трагическое положение трудящихся туркмен в ту пору, сумел ярко и убедительно рассказать о людях «второго эшелона»: рабочих и солдатах – строителях Закаспийской военной железной дороги, о торговцах и мастеровых, которых волновала судьба народов окраин России. Именно они, вступив в деловые и дружеские связи с туркменской беднотой, уже через четверть века, в 1905 году, совместно выступили против царизма и произвола байского гнета.

Не стану пересказывать содержание данной книги, она перед вами, дорогой читатель. Нет сомнения, что, как и предыдущие исторические романы В. Рыбина, «Огненная арена» придется по душе многим.

Ханкули Тангрыбердыев.

* * *

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В Асхабаде было около сорока тысяч жителей, десятка четыре приличных зданий и обширная площадь, названная Скобелевской, в

честь завоевателя текинского края. От площади во все концы расходились немощные улицы, на которых тарахтели фаэтоны и арбы, и над домами вечно висела пыль.

Главные же улицы – Анненкова и Куропаткина – площади не касались. Первая начиналась у вокзала и прямым коридором, с севера на юг, прорезая город, уходила к синющим Копетдагским горам, Вторая шла через город с востока на запад и растворялась в обширной предгорной степи. По обеим улицам ежедневно шествовали караваны из Персии и Мерва. Шумный текинский базар с огромным постоянным двором втягивал в себя сотни повозок и верблюдов с тюками. Но вьючных животных прибывало так много, что караванщикам приходилось размещать их и в туркменском ауле. Он примыкал к городу со стороны Анненковской глинобитными дувалами, за которыми виднелись мазанки и войлочные кибитки. Здесь шла чужая, малопонятная европейцу жизнь, но и она соприкасалась с бурной жизнью города. Из аула тянулись на базар водоносы и амбалы, выезжали нарядно одетые всадники. Как и в европейском секторе, аульный люд делился на богатых и бедных. Феодальная верхушка частенько наведывалась по каким-то своим делам в канцелярию начальника области. Не было для европейцев невидалью и то, что многие дети ханов и сердаров обучались в кадетских корпусах.

Ранним декабрьским утром 1904 года к серому зданию вокзала по Анненковской подкатила желтая коляска. Запряженная двумя американскими рысаками караковой масти, она остановилась в голове вереницы повозок, столпившихся к приходу пассажирского поезда. Из коляски живо выпрыгнул юноша-туркмен в белом тельпеке и сюртуке военного покроя. Он был высок и тонок, и лицом худощав. И если б не черные усики и пушок на подбородке, его можно было бы принять за девушку, переодетую в мужскую одежду. Однако вел себя юнец уверенно, словно опытный джигит.

– Обопрись о моё плечо, отец, – проговорил он, становясь боком к дверце и протягивая руку вылезавшему из коляски полному, в долгополом чекмене и черной папахе, старику.

– Не надо, Ратх, как-нибудь сам вылезу, – отвечал белобородый яшули. – Не опоздали мы? Что-то народу на вокзале много. Может, поезд уже пришел?

– Нет ещё, отец, – успокоил его юноша, доставая из-под лацкана сюртука круглые карманные часы. – До прихода десять минут. А народу тут всегда много, и приезжих, и переселенцев.

– Да... Этого добра – хоть отбавляй, – проворчал Каюм-сердар (так звали почтенного яшули) и стал подниматься по ступенькам на перрон.

На перронной площадке, несмотря на начинающийся рассвет, горели фонари. Желтые отсветы отражались на сыром кирпичном настиле, вызывая неприятное ощущение. Толпы встречающих медленно прохаживались взад-вперёд в ожидании поезда.

Минут через пять пассажирский, со стороны Красноводска, посапывая и выпуская пары, медленно подошел к вокзалу.

Тот, кого встречал Каюм-сердар, был его старшим сыном. Приехал он в офицерском вагоне. И вышел из тамбура на перрон самым первым, держа в руках два больших чемодана. Был он в хромовых сапогах, шинели, при погонах штабс-капитана, и в фуражке. Поставив вещи, он помог сойти на перрон молодой, хорошо одетой женщине. И только потом осмотрелся вокруг.

– Черкезхан, мы здесь! – заметив брата, закричал Ратх и потянул отца за рукав в образовавшуюся возле тамбура толпу, но старик недовольно выдернул руку и остановился, поджидая, пока подойдут Черкез и его спутница.

– Слава аллаху, отец, вот мы и встретились! – обнимая старика, заговорил Черкез. – Три недели добирались из Петербурга. Два дня в Баку пароход ждали, да день в Красноводске провели.

– А эта та самая ханум, о которой ты писал в письме? – спросил Каюм-сердар, отстраняя легонько сына и пристально оглядывая женщину. – Доброго здоровья вам, невестка! Здравствуйте!

А она в ответ лишь снисходительно кивнула, прикрыв пышными ресницами круглые кошачьи глаза, и робко подала для поцелуя руку. Каюм-сердар растерялся и кашлянул, явно не зная, как поступить. А сын предупредительно отстранил руку жены.

– Отец, извини её... Она – татарка, и плохо ещё понимает по-нашему... Да и обычаи у них... Она же из княжеского рода...

– Ничего, сынок. Поживёт вместе с нами – всему научится, – сурово молвил Каюм-сердар. – Забирайте чемоданы и пойдём.

На привокзальной площади, пока укладывали чемоданы в багажник

коляски и усаживались сами, Черкез-хан рассыпался в словах благодарности перед отцом за приобретение столь прекрасного ландо. И старик, растроганный словами сына, горделиво оглаживал бороду и пояснял:

– Это ландо – было единственное на весь Мешхед. Говорят, его сделали в Лондоне, а приобрёл – Шуджа-хан. Я же этому негодяю отдал чуть ли не целое стадо овец, да и золотом ещё уплатил.

Говоря, он пристально разглядывал невестку, севшую в коляске напротив него. У женщины было беленькое личико с синей мушкой на щеке, и глаза подведены синей краской. Подбородок и рот она прикрывала белой пуховой шалью, голову прятала в меховой воротник шубки. Шаль у подбородка женщина придерживала левой рукой, и на запястье у неё сиял широкий золотой браслет. Как-сердар удовлетворённо хмыкнул: «Да, она, видимо, действительно княжеских кровей. Обижать её не буду, чтобы не пожаловалась своим». Впервые за всю его долгую жизнь ему захотелось «блеснуть» перед женщиной. Будто бы нечаянно распахнул он на груди

чекмень, обнажив лацкан серого в полоску пиджака, на котором висели награды: две медали «За усердие» и знаки, полученные на конных скачках. «Да, гелии, – говорил весь его суровый вид, – мы тоже не простыми нитками шиты, мы тоже что-нибудь значим, хотя и не княжеских кровей!» Для полноты показа собственного величия Как-сердар обратился небрежно к старшему сыну:

– Господин штабс-капитан, нет ли каких вестей от моего друга генерала? Что-то давно о нём не слышу.

Черкез заметно смутился и сделал вид, что вопрос не столь уж важен, чтобы отвечать на него. Старик недовольно засопел и вновь спросил:

– Разве ты не встречал его в своём Петербурге? Черкез нахмурился:

– Отец, ты в полном неведении. Разве тебе не известно, что твой друг генерал проиграл сражение на Ляояне? Японцы разгромили Первый Сибирский корпус.

– Как же так, сынок? – сразу сник Как-сердар. Помолчав немного и осмыслив суть происшедшего, сердито сказал: – Генерал Куропаткин покори́л наш край, в теперь его побили

японцы. Что же, выходит, японцы сильнее туркмен?

— В силе разве дело! — оскорбился Черкез. — Другая теперь беда. Русский царь не знает, что делать: то ли с японцами воевать, то ли со своими революционерами. Развелось нечистой силы, — ходить и ездить стало опасно. Пока сюда добирались — насмотрелись на всякий сброд. На фабриках, заводах бастуют, кричат: «Долой царя», по вагонам нищие ходят и грозят: «Царя задавим, и до вас, офицеров, доберёмся». С японского фронта нижние чины бегут. Сплошное дезертирство... А ты говоришь о силе! Если и говорить о ней, то только в том смысле, что мы потеряли силу нашего духа. И ни его высочество государь-император, и ни военный министр не могут обуздать развратившуюся Россию.

— Да, да, правду говоришь, сынок, — сокрушенно вздохнув, согласился Каюм-сердар. — У нас тоже много говорят о слабости государя. Вчера в цирке собрание русские босяки проводили. Ратх, твой брат, там был, всё видел.

— Ратх был на собрании босяков? — удивился Черкез.

— Вах, сынок, — с досадой воскликнул Каюм-сердар.

— Мы же извещали тебя письмом, что оба брата твои, Ратх и Аман, служат в цирке. — И вновь он завздохал и принялся сомневаться — Как же так, а? Неужто Куропаткин не устоял?

Коляска между тем свернула влево, на узкую пыльную улочку, прогромыхала ещё несколько минут между дувалами, из-за которых торчали купола войлочных юрт, и въехала во двор. Ратх мгновенно спрыгнул с козел и распахнул дверцу ландо. Каюм-сердар услужливо пропустил вперёд себя сына и его жену, затем вылез сам:

— Ну, вот, теперь вы дома, как говорится, бог вам в помощь, — проговорил он по-хозяйски важно. И тотчас крикнул в глубину двора: — Ну, чего там стоите как испуганные куры? Принимайте господ!..

Несколько женщин метнулись от кибиток к красавице-татарке, взяли её под руки и повели к себе. Другие подхватили увесистые чемоданы и заспешили следом. Дородная Нартач — старшая жена сердара — с благоговением приняла ласки Черкеза. Подойдя, он коснулся её рук и плеч, поцеловал по-русски в лоб и задал

несколько обычных при встрече вопросов. Услышав в ответ, что всё в доме, слава аллаху, благополучно, спросил, улынувшись:

– Тебе понравилась невестка, мама?

– Вий, Черкез-джан! – воскликнула мать. – Я ещё в не разглядела её. Ты писал, вроде бы – татарская княжна, так ли?

– Так, мама, так... Голубая кровь... Её отец – татарский чиновник, из Казани родом. Живёт в Петербурге, а служит в Главном российском банке.

– Жалко, что той не могли здесь справить, – с затаенной обидой проговорила Нартач. – Обычай божий на» рушили.

– Ну, мама, – успокоил её Черкез, – если тебе аллах даёт счастье в руки – можно поступиться и обычаем. Разве мог везти её сюда за пять тысяч вёрст, когда я на царской службе?

– Да, да, сынок... Царская служба для нас благодать. Отец твой по воле русского ак-падишаха стал знатным человеком.

– Нартач-ханым, чего держишь джигита? Иди к женщинам! – властно приказал Каюм-сердар, поджидая сына у входа в кирпичный дом.

Женщина неохотно повернулась и пошла к юртам, куда увели невестку. Черкез поднялся на порог широкого айвана с резными деревянными столбиками, наподобие колонн. С айвана вели две двери: на мужскую и женскую половины. Отец ввёл сына на мужскую и, скрывая гордость, сдержанно спросил:

– Ну, как?

– Великолепная комната, отец! – воскликнул Черкез, ступив на ковёр, покрывавший весь пол, и разглядывая другой, на стене, тоже огромного размера. Это были великолепные текинские ковры. При свете яркого утра, льющегося в окно, краски ковров переливались, приобретая то тёмно-красный, то алый, с голубым отливом, цвета. У стены стояла широкая тахта, также застеленная ковром. На ней стопкой лежали обтянутые красными и голубыми наволочками подушки.

– Вот здесь будешь принимать русских господ, – пояснил Каюм-сердар и прибавил, усмехнувшись в бороду: – А когда жена понадобится, – пойдёшь к ней, в другую комнату.

* * * Romanlar